

УДК 821.161.1 (Русская литература)

МИНУС-ПРИЕМ КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ» В РАССКАЗЕ Ф.ГОРЕНШТЕЙНА «СТАРУШКИ»

© 2021 А.А. Золотёнова, М.А. Перепёлкин

Золотёнова Алина Андреевна, магистрант программы «История и теория литературы»

E-mail: zoolalina@yandex.ru

Перепёлкин Михаил Анатольевич, доктор филологических наук, профессор

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 14.05.2021

В статье представлена попытка прочтения рассказа «Старушки» Ф. Горенштейна как примера реализации принципа значимого отсутствия. Принцип значимого отсутствия рассматривается как один из основных для творчества Ф. Горенштейна. В данном рассказе он находит свое выражение через моделирование «минус-времени», уход в которое оказывается маркером исторической травмы, «переживаемой героинями». После рассмотрения рассказа «Старушки» в указанном ключе сделаны выводы об участии минус-приема в формировании в рамках рассказа категории небытийности.

Ключевые слова: Ф. Горенштейн, «Старушки», значимое отсутствие, минус-прием, минус-время, историческая травма.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-77-79

Введение. Ф. Горенштейн относится к числу авторов, чье творчество могло бы существенно расширить представление о том, как ощущал себя в мире человек XX века, как взаимодействовал с другими людьми, как справлялся с событиями, многие из которых оказались не только переломными для истории, но и лично им воспринятыми. Речь идет о травмирующих событиях, которыми был наполнен XX век и которые со всей своей неумолимостью вошли в творчество Ф. Горенштейна.

Методы исследования: В нашем исследовании мы опирались, прежде всего, на структурно-семиотический метод, разработанный в трудах Ю.М. Лотмана, а также на работы некоторых других современных литературоведов и психологов, исследующих феномен исторической и социальной травмы.

Отметим, что творчество Ф. Горенштейна не однажды находилось в центре исследовательского внимания, но понятие «исторической травмы» и связанное с ним понятие минус-приёма в соответствующих исследованиях никогда не разрабатывались.

Ф. Горенштейн воспринимает мир как темное место, которому приходится противостоять, поэтому многие его произведения оказываются действительно мрачными. Мир калечит героя, заставляет его распадаться и терять собственную идентичность. Негативное воздействие мира на человека и преодоление этого воздействия ока-

зывается одной из ключевых тем творчества писателя. Его герои всегда оказываются травмированы временем, настоящим или прошлым, всегда испытывают на себе влияние «исторического контекста»: войны, репрессий, общего неустойчивости в стране. Для создания внутри текста эффекта противостояния человека и времени, попыток найти гармонию, Ф. Горенштейн использует принцип значимого отсутствия.

Значимое отсутствие – понятие, возникшее в рамках семиотики, введенное в литературоведение через более узкий термин «минус-прием» Ю. Лотманом [1]. Оно используется на разных уровнях исследования текста: от авторского наименования (или его отсутствия) до смысловых пластов.

Принцип значимого отсутствия – это способ приблизиться к тому, как Ф. Горенштейн ощущает мир, как с ним «справляется»; через «значимое отсутствие» он приводит героев к принятию своего положения в мире и обретению за счет этого внутренней гармонии или к неприятию и «необретению». Рассказ «Старушки» [2] демонстрирует второй вариант.

Это произведение о двух старушках - матери и дочери - живущих вместе. Дочь, Марья Даниловна, ухаживает за матерью, та же словно бесконечно испытывает ее на прочность своими выходками: то испачкает белое платье, то откажется надевать платок, то оторвет пуговицы от туфель в попытке их снять. Кажется, что между

ними сложились отношения, где каждая испытывает раздражение: дочь устала от того, что мать впадает в детство, а мать пытается любым способом вырваться из-под контроля дочери.

Мы знаем, что родные старушек были репрессированы, теперь же начат процесс их реабилитации. Так в квартире появляется государственный служащий, которому необходимо выяснить, какое имущество когда-то было конфисковано у них. И здесь проявляется разное отношение старушек к материальному миру: дочь прекрасно помнит все вещи, которые находились в квартире ее брата, мать же совершенно игнорирует задаваемые ей вопросы, но видит в госте так необходимого ей слушателя. Тут же возникают старые фотографии, бусы, ленты, которые будят в голове старушки совершенно несвязные воспоминания. Тем не менее, мы понимаем, что она вовсе не сошла с ума: Клавдия Петровна помнит, куда дочь положила тряпку и когда выкинула ее мармелад. Но она сознательно отказывается от жизни в реальности, которая ее окружает, хотя ее ментальное здоровье позволяет ей реальность ощущать, о чем неоднократно говорит Марья Даниловна.

Ответ на вопрос «почему» читатель получает лишь в самом конце, он заключен в ее фразе: «Девочки, не дай вам Бог пережить своих детей» [2]. Для нее травма – это смерть тех, кто должен был ее пережить, смерть неестественная, произошедшая по злему стечению обстоятельств. И эту травму она преодолеть не может.

В данном случае Ф. Горенштейн не говорит о травмирующих человека факторах напрямую. Историческая травма здесь давняя, пережитая. Сам процесс репрессирования никак не влияет на повествование. Но мир, который показывает автор, – это мир, где репрессии случились и оставили после себя страшные последствия.

Автор не рисует нам картин, полных разрушения и жестокости. Не говорит он и внутренних переживаниях старушек. Ф. Горенштейн просто показывает читателю жизнь людей, в судьбе которых имел место опыт неправильной, несправедливой потери.

Мы видим, как травма заставляет человека осознанно отказываться от жизни в реальности, потеря связи с действительностью здесь не является следствием старческого слабоумия, а оказывается осознанным выбором.

Мир рассказа страшен не мрачными красками или жестокостью – он пугает своей точностью. Эмоционально неокрашенная констатация факта – вот метод, который использует Ф. Горенштейн в создании образа травмирующего и враждебно-го человеку мира.

Автор не жалеет старушек, не стремится сделать их образы приятными, но четко фиксирует их действия, часто нелепые, несуразные, обладающие определенным смыслом лишь для них. Не дает он оценок и другим персонажам: ни государственному служащему, ни девушкам, с которыми старушки плывут по реке, ни женщине с ребенком, с которыми конфликтует Клавдия Петровна. Мы что-то узнаем о второстепенных персонажах рассказа через их отношение к старушкам: кто-то их жалеет, а кто-то стремится от себя оттолкнуть, но в целом все они остаются в стороне.

Факты о пространстве, предметах, людях складываются в нелюбимую действительность, стремление избежать столкновения с которой вполне обосновано.

Время рассказа отчетливо распадается на настоящее и прошлое. За настоящее пытается уцепиться Марья Даниловна, в прошлом вполне комфортно себя чувствует Клавдия Петровна.

Прошлое, о котором идет речь, – это не биографическое прошлое героинь, но такая его проекция на настоящее, которая способна существовать параллельно реальному времени.

Марья Даниловна настойчиво пытается помешать матери прятаться в этом параллельном времени от настоящего: она забирает у нее шкапулку, где собраны дорогие для старушки вещи, ругает за ленты в волосах. Она лишает Клавдию Петровну контакта с тем, что позволяет этому времени возникать внутри ее сознания.

Время реальное здесь связано со всем материальным, оно закреплено за миром с помощью вещей и всего физически осязаемого. Оно проявляет себя в пыли и грязи, которые свидетельствуют о том, что старушки всеми покинуты, в крови разделанной курицы, в оторванных пуговицах на туфлях, в выброшенном пирожном, в холоде земли и неприятном запахе от воды. Это вещный мир, настойчиво напоминающий о своем существовании. В нем старается жить Марья Даниловна: она напоминает матери о холоде на улице, о ее неспособности, о том, что туфли без пуговиц будут слетать. Она прекрасно помнит приметы этого вещного мира – легко перечисляет имущество репрессированного брата, стараясь не занять у госслужащего слишком много времени. Дочь живет в настоящем, проявляющем себя через физически существующие вещи и осязаемые явления.

Минус-время существует параллельно реальному. Оно тоже связано с предметами, но не с их материальным воплощением, а с их эмоциональной наполненностью. Доставая их шкапулки фотографию себя в молодости, Клавдия Петров-

на буквально достает оттуда свою молодость и пытается ее на себя примерить. Для человека, живущего в настоящем, это выглядит нелепо, глупо. Но старушка прекрасно понимает, что она делает, - она отказывается от реальности в пользу возможности существовать в мире, который сама создает в своей голове. Поэтому ей страшно умирать – она научилась игнорировать реальность, та больше не оказывает не нее столь разрушительного воздействия. А жить в мире своих фантазий ей нравится.

Фантазии эти не возникают из ниоткуда, они оказываются проявлением прошлого в настоящем, но прошлого не всякого, а переработанного. Клавдия Петровна не вспоминает репрессии, потерю своих детей – это оставлено биографическому прошлому, но вспоминает свою молодость, детство и юность Марьи Даниловны и ее братьев. Силой своего сознания она создает альтернативное время и пытается втянуть в него собственную дочь, но та лишь раздражается от этого.

Минус-время все-таки одерживает победу над временем реальным. В конце повествования перед читателем странная картина: «старушка в

белом платье покачивает, баюкает на коленях седую голову своей дочери». Марья Даниловна оказывается втянута в мир, где она снова маленькая девочка, защищенная своей матерью.

Выводы. Историческая травма в этом рассказе становится причиной отказа от существования в рамках физической действительности. При помощи минус-приема Ф. Горенштейн моделирует параллельное время, уход в которое оказывается способом преодоления травматического опыта.

Принцип значимого отсутствия здесь использован для усиления отношений оппозиции, которые возникают между бытием и небытием, где минус-прием станет проявлением в тексте небытийности, существующей в рамках художественной реальности.

Травмирующим фактором в работах Ф. Горенштейна оказывается то, чего непосредственно в тексте нет. Как, например, нет войны в самом известном его рассказе о войне «Дом с башенкой». Травмирует его героев внешнее, но фокус всегда смещен на внутреннее, на преодоление травмы, от которой его героини никогда не исцеляются, но учатся жить с ней, пусть и не всегда успешно.

1.Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Лотман Ю. М. – М.: Искусство, 1970. - 384 с.

2.Горенштейн, Ф.Н. Старушки [Электронный ресурс]/ Горенштейн Ф.Н // <https://www.litmir.me>: ЛитМир: электронная библиотека. – 2012. – URL:<https://www.litmir.me/bd/?b=57387> (дата обращения 05.03.2021).

MINUS-RECEPTION AS A METHOD FOR SIMULATING «HISTORICAL TRAUMA» IN THE STORY OF F. GORENSHTEIN "OLD WOMAN"

© 2021 A.A. Zolotenkova, M.A. Perepyolkin

Alina A. Zolotenkova, master's student program «History and Theory of Literature»

E-mail: zoloalina@yandex.ru

Mikhail A. Perepelkin, Doctor of Philology, Professor

E-mail: mperepelkin@mail.ru

Samara University
Samara, Russia

The article presents an attempt to read the story "The Old Woman" by F. Gorenstein as an example of the implementation of the principle of significant absence. The principle of significant absence is considered as one of the main ones for the work of F. Gorenstein. In this story, it finds expression through the modeling of "minus-time", the withdrawal into which turns out to be a marker of the historical trauma that the heroines are experiencing. After examining the story of the "Old Woman" from this point of view, conclusions were drawn about the participation of the minus method in the formation of the category of non-being within the story.

Key Words: F. Gorenstein, "Old Women", significant absence, minus-reception, minus-time, historical trauma.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-77-79

1. Lotman, YU. M. Strukturakhudozhestvennogoteksta(The structure of artistic text) [Tekst] / Lotman YU. M. – М.: Iskusstvo, 1970. - 384 s.

2. Gorenshteyn, F. N. Starushki (Old women) [Elektronnyyresurs]/ Gorenshteyn F.N // <https://www.litmir.me>: LitMir: elektronnayabiblioteka. – 2012. – URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=57387> (data obrashcheniya 05.03.2021).